

Указанный комплекс более развит, чем описанный выше ранне-мезолитический, и находит себе аналогии среди поздне-мезолитических комплексов сопредельных территорий — фрумушкская фаза памятников Среднего Поднестровья<sup>22</sup>, тарденуазские комплексы Крыма<sup>23</sup> и Восточной Румынии<sup>24</sup>.

Кукрекская культура локализована на первом этапе ее развития в Нижнем Поднестровье, Приазовье и Степном Крыму; впоследствии памятники ее известны вплоть до Южного Буга.

По вопросу культурно-исторической интерпретации памятников этой культуры нет единого мнения. Так, Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. А. Векилова, Д. Я. Телегин, В. Н. Станко, А. А. Формозов и др. относят кукрекские памятники к мезолитической эпохе<sup>25</sup>, В. Н. Даниленко, Ю. Г. Колосов — к докерамическому неолиту<sup>26</sup>.

В контрольных шурфах и в зачистке на стоянке Абузова Балка (р. Южный Буг) аналогичный комплекс залегает в верхних горизонтах делювиальных суглинков и в нижних горизонтах почвы (подпочва В). В близких геологических условиях в этом регионе, как указано выше, изучены комплексы гребениковской культуры.

Кремневый инвентарь памятников кукрекской культуры состоит из значительного количества правильных призматических пластинок и микропластинок; карандашевидных и плоских нуклеусов; округлых и подокруглых скребков; большого числа резцов, среди которых преобладают резцы на отщепках; микропластинок с притупленным краем; микроострий. Особую группу составляют вкладыши кукрекского типа, не находящие себе прямых аналогий в других археологических культурах. На памятниках сопредельных территорий количество их незначительно. Геометрические микролиты, как правило, составляют незначительный процент либо вообще отсутствуют. Подобный набор кремневого инвентаря не находит себе аналогий среди известных мезолитических культур Восточной Европы.

Неполные данные по стратиграфии памятников, своеобразный кремневый инвентарь не позволяют на данном этапе исследования более четко датировать кукрекскую культуру. По-видимому, известные памятники ее синхронны памятникам гребениковской культуры.

К сожалению, мезолитические памятники степей Северо-Восточного Причерноморья изучены недостаточно. Большая группа мезолитических комплексов, выявленных в последние годы, остается неопубликованной. Частично опубликованные материалы из сборов на Кременной горе в Донецкой области по составу кремневого инвентаря Д. С. Цвейбель отнесены к мезолиту<sup>27</sup>.

<sup>22</sup> А. П. Черныш. Хронология мезолитических памятников Поднестровья, с. 17.

<sup>23</sup> С. Н. Бибииков. Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. — СА, 1940, т. V.

<sup>24</sup> A. I. Paunescu. Evolutia uneltelor si armelor de piatra ciopita descoperite pe teritoriul Romaniei. Bucuresti, 1970, с. 145—148.

<sup>25</sup> Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., с. 165; Е. А. Векилова. Указ. соч., с. 154; Д. Я. Телегин. Мезолит Левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. — МИА, № 126, М.—Л., 1966, с. 106; В. Н. Станко. Указ. соч., с. 261; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — МИА, № 102, М., 1962, с. 100.

<sup>26</sup> В. Н. Даниленко. Неолит Украины. К., 1969, с. 12; Ю. Г. Колосов. Некоторые вопросы истории неолита Крыма. — СА, 1963, № 3, с. 259.

<sup>27</sup> Д. С. Цвейбель. Новые данные о памятниках каменного века в Донецкой обл. — МАСП, вып. 4. Одесса, 1962, с. 138.

Предложенная схема периодизации мезолита степей Северного Причерноморья с накоплением данных будет конкретизирована прежде всего в плане синхронизации памятников внутри выделенных периодов. В настоящее время уже получены некоторые данные для синхронизации памятников внутри гребениковской культуры. Однако их пока недостаточно для расчленения указанной культуры на более мелкие периоды. Не до конца решен вопрос о синхронизации кукрекской культуры. Проблема эта может быть решена только с накоплением новых данных по стратиграфическому положению комплексов этой культуры.

Л. В. СУББОТИН

### АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ГУМЕЛЬНИЦКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА СССР

Энеолитическая культура Гумельница, как и трипольская, является одной из наиболее ярких и сложных культур древних земледельцев и скотоводов Восточной Европы. Изучение ее развития имеет важное значение для понимания закономерностей в истории первобытного общества.

Начиная с 1924 г.<sup>1</sup> памятники этой культуры широко исследовались на территории Румынии и Болгарии<sup>2</sup>. С 1960 г., благодаря открытию И. Т. Черняковым гумельницкого поселения у г. Болграда Одесской области<sup>3</sup>, эта культура планомерно изучается и на территории СССР при непосредственном участии сотрудников Одесского археологического музея.

Изучение антропоморфной пластики способствует более полному раскрытию материальной и духовной жизни гумельницких племен (как и других племен энеолита). Эти скульптурные изображения являются незаменимым источником для понимания особенностей изобразительного искусства и идеологических представлений древних земледельцев.

Впервые антропоморфные изображения из поселений гумельницкого типа Юго-Запада СССР стала изучать Е. В. Бесфамильная, классифицировавшая 14 фигурок из поселений Болград и Озерное I. Она разделила статуэтки по характеру декора и материалу на три группы: орнаментированную глиняную пластику, неорнаментированную глиняную пластику и фигурку, вырезанную из рога<sup>4</sup>. К вопросу о гумельницкой антропоморфной пластике уже обращался и автор настоящей публикации, кратко проанализировавший особенности 27 глиняных фигурок, найденных на памятниках Юго-Запада УССР<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> V. Dumitrescu. Découvertes de Gumelnita. — Dacia, I. Bucuresti, 1924, с. 325—342.

<sup>2</sup> Гумельницкая культура на территории НРБ известна как Караново VI.

<sup>3</sup> И. Т. Черняков. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. — МАСП, вып. 4. Одесса, 1962, с. 139.

<sup>4</sup> Е. В. Бесфамильная. Антропоморфные изображения культуры Гумельницы в СССР. — Тезисы докладов на Пленуме Института археологии АН СССР. М., 1966, с. 7—8.

<sup>5</sup> Л. В. Субботин. Раннегумельницкая глиняная антропоморфная пластика юга Украины. — Тези доповідей XV наукової конференції ІА АН УРСР. Одеса, 1972, с. 82—92.

В настоящее время имеются данные о 52 антропоморфных изображениях из семи поселений Украины и Молдавии: Болграда (19), Озерного I (4), Нагорного II (4) и Ново-Некрасовки I (1) — по материалам раскопок и разведок, хранящимся в ОАМ и фондах Института археологии АН УССР; Вулканешт II (7) — по материалам разведок, хранящимся в ОАМ, и публикациям<sup>6</sup>; Лопацики (9) и Кокоры I (8) — по публикациям<sup>7</sup>. Это дает возможность более полно охарактеризовать основные черты и особенности антропоморфной пластики гумельницких памятников левобережного понизовья Дуная в сопоставлении с аналогичной скульптурой позднелеолитических и энеолитических культур Балкано-Дунайского круга.

Антропоморфные изображения, найденные на гумельницких поселениях Юго-Запада СССР, изготовлены из глины, кроме одной статуэтки, вырезанной из рога (рис. 1, 2), причем все статуэтки, как и столовая посуда, вылеплены из хорошо отмученной массы. В керамическом тесте иногда содержится примесь очень мелкого шамота, песка или полове. В изломе трех статуэток из Болграда (рис. 3, 6 и 4, 2, 3) видны отпечатки зерен. Обжиг фигурок обычно хороший, глина в изломе преимущественно черного либо темно-серого цвета. В зависимости от степени обжига, иногда от наличия ангоба цвет статуэток варьирует от желто-коричневого до розовато-серого или оранжевого. Преобладают, однако, серые тона различных оттенков. Поверхность большинства статуэток либо залощена, либо хорошо заглажена, иногда со следами красной или белой краски.

Анализ рассматриваемой пластики позволяет выделить три приема изготовления статуэток: лепка из цельного комка глины, из двух продольных половинок и из отдельных частей с использованием для взаимокрепления вспомогательного материала. Примером последнего приема является одна статуэтка из Озерного (рис. 1, 1). Судя по имеющемуся на шее этой фигурки полусантиметровому углублению, вылепленная отдельно головка крепилась при помощи четырехгранной палочки с клинообразно заостренными краями<sup>8</sup>.

Рассматриваемая пластика, как и скульптура других синхронных культур, по своим художественно-образительным особенностям подразделяется на три группы: схематизированную, натуралистически-схематизированную и натуралистическую. Первая и третья группы представлены единичными экземплярами.

Плоская статуэтка-амулет из рога благородного оленя (рис. 1, 2), относящаяся к первой группе, найдена на поселении Озерное I в полу-

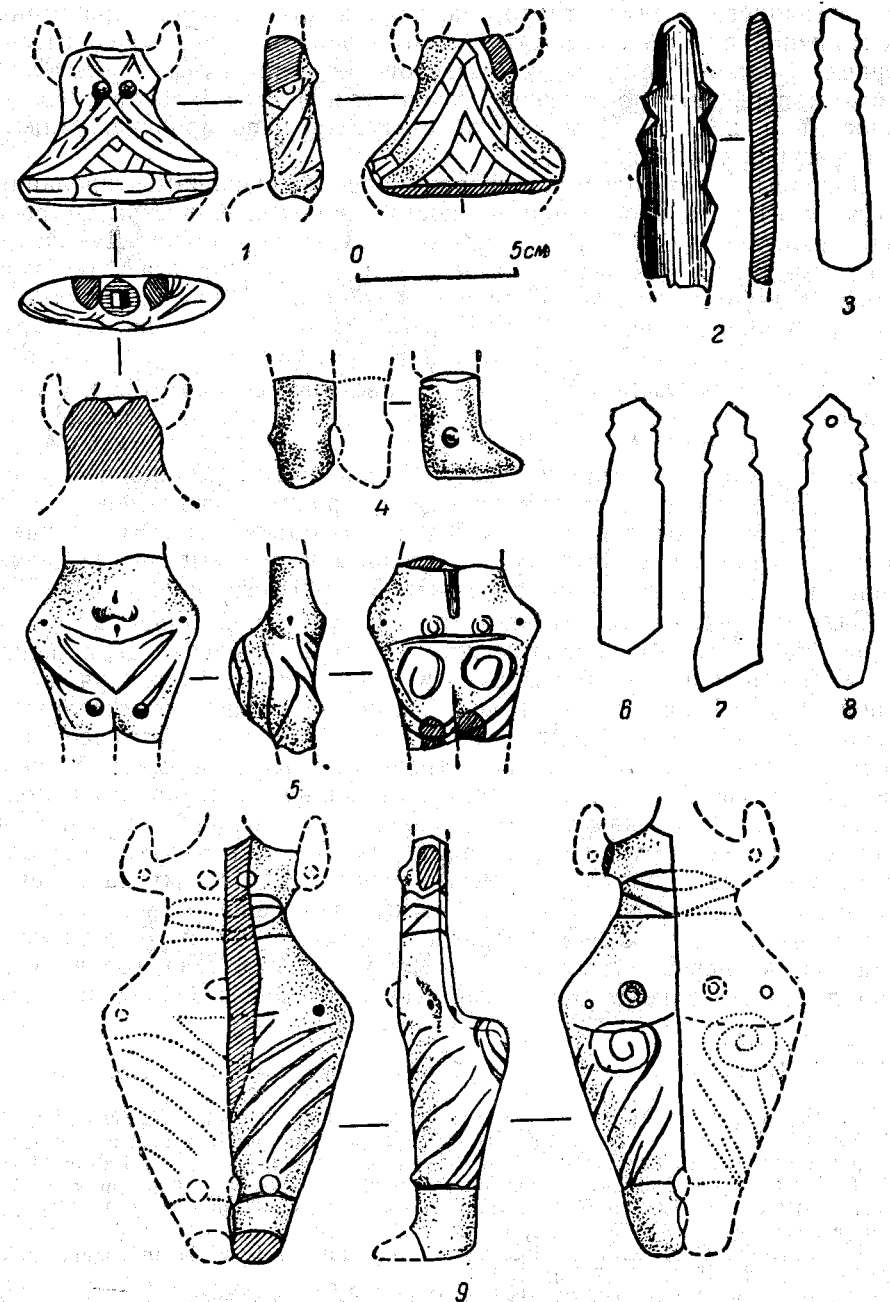


Рис. 1. Антропоморфные фигурки из поселений Озерное I (1, 2, 4, 5), Ново-Некрасовка I (9), Флорешты (3, 6) и Султана-Невски (7, 8).

<sup>6</sup> Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Новая статуэтка из Вулканешт. — КСИА, вып. III. М., 1967, с. 38—42; В. С. Бейлекчи. Результаты раскопок гумельницких поселений в Молдавии в 1968—1969 гг. — Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 36; его же. Раскопки гумельницкого поселения у с. Вулканешты в 1970 г. — Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973, с. 42.

<sup>7</sup> Э. А. Рикман. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев, 1969, с. 12, 87; В. С. Бейлекчи. Результаты раскопок..., с. 36; его же. Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора. — Археологические исследования в Молдавии в 1972 г. Кишинев, 1974, с. 54; В. С. Бейлекчи, П. П. Бырня. Материалы к археологической карте Попрутья. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 183.

<sup>8</sup> Аналогично такому креплению находим на раннегумельницком поселении Скитул в Румынии (см: H. Slobozianu, I. Ticu, Asezarea antica de la Schitul. — SCIV, t. XVII, № 4. Bucuresti, 1966, с. 684.

землянке № 1<sup>9</sup>. Голова ее выполнена в виде вытянутого отростка, косо срезанного с двух сторон, напоминая тип головы, характерный для глиняной пластики рассматриваемого района. Руки переданы симметричной парой треугольных выступов. Асимметричными выступами по бокам переданы, по-видимому, очертания бедер, надбедренных выпуклостей и колени. Поверхность статуэтки заполирована. Нижняя часть фигурки отломана.

Подобный тип плоских антропоморфных неорнаментированных статуэток из рога и особенно из кости широко распространен среди поздненеолитических и энеолитических культур Балкано-Дунайского района<sup>10</sup>, однако абсолютно точные аналогии данной статуэтке неизвестны. Наиболее близкими являются костные фигурки культуры Боян из Флорешт (рис. 1, 3, 6)<sup>11</sup>, фазы Петру Рареш из Тангыру<sup>12</sup> и культуры Караново VI из Коджа-Дермен и Султаны (рис. 1, 7, 8)<sup>13</sup>.

Статуэтка из Озерного, как и все известные ее прототипы, силуэтна, и ее можно отнести к первому типу плоских идолов, выделенному в классификации В. Микова<sup>14</sup>, В. Думитреску<sup>15</sup> и Н. Петкова<sup>16</sup>, или к третьей стадии стилизации (по Л. С. Клейну)<sup>17</sup>. Однако небольшая выпуклость роговой пластинки на одну сторону и преднамеренно сделанные косые срезы придают ей некоторую объемность. Это, а также довольно художественная трактовка головы и рук выгодно выделяют озерненскую статуэтку среди изображений подобного типа.

Сидящая мужская статуэтка (рис. 2, 8), относящаяся к третьей группе, обнаружена в наземном жилище № 1 поселения Вулканешты II<sup>18</sup>. У фигурки почти отбиты руки и ноги, однако, благодаря выполненной М. М. Герасимовым реконструкции, можно представить ее первоначальный облик<sup>19</sup>. Эта скульптура совершенно отличается от известных типов гумельницких антропоморфных изображений понизовья Дуная своей выразительностью. Мужчина (передан его половой признак) сидит на скамеечке-подставке, наклонившись вперед. Ноги согнуты в коленях (правая чуть приподнята). Правая рука опирается локтем о колено и подпирает кистью щеку, левая лежит на коленях. Реалистична моделировка спины: четко выделены позвоночник, небольшие ямки на пояснице. Рельефно выделены плечи. В отличие от реалистически переданной позы и отдельных частей тела голова (особенно лицо) выполнена довольно схематично. Она небольшая, с мас-

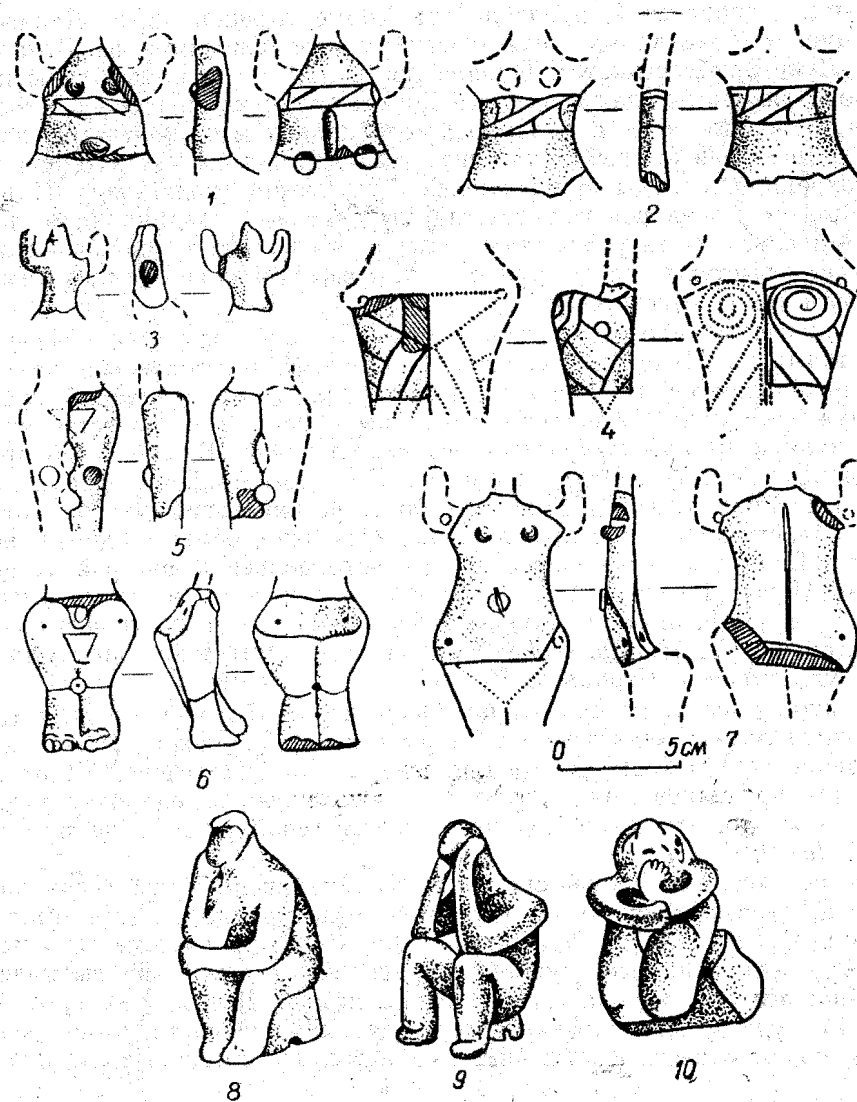


Рис. 2. Глиняные статуэтки из поселений Нагорное II (1, 3, 5, 6), Вулканешты II (2, 4, 7, 8), Чернавода (9) и Видра (10).

сивной шеей, с выступами по бокам, напоминающими уши. Лицо треугольной формы, уплощенное. На нем едва намечен один глаз. Поверхность статуэтки серого цвета с желтоватыми пятнами, обработана небрежно. Керамическое тесто с примесью мелкого песка.

Близкой аналогией описанной статуэтке является фигурка «мыслителя» из Чернаводы (Румыния), относящаяся к неолитической культуре Хаманджия<sup>20</sup> (рис. 2, 9). Она отличается лишь некоторыми деталями: щеки подпирают обе руки, голова и лицо переданы более реалистично<sup>21</sup>. Исследователи отметили также сходство вулканештской

<sup>20</sup> Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Указ. соч., с. 40, 41.

<sup>21</sup> D. Berciu. Deux chefs-d'oeuvre de l'art néolithique en Roumanie le "couple" de la civilisation de Hamangia. — Dacia, IV. Bucaresti, 1960, с. 423—427.

<sup>9</sup> Т. С. Пассек. Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1964 г., с. 6. — Архив ОАМ.

<sup>10</sup> Т. С. Пассек. Костяные амулеты из Флорешт. — МИА, № 130. М., 1965, с. 77—83; Л. С. Клейн. О дате Карбунского клада. (К проблеме абсолютной датировки раннетрипольской культуры). — Проблемы археологии, вып. 1. Л., 1968, с. 44—52.

<sup>11</sup> Т. С. Пассек. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. — МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 54, 56, рис. 5, 8, 10; ее же. Костяные амулеты..., с. 77—79, рис. 1, 1—12.

<sup>12</sup> D. Berciu. Contributii la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetari. Bucuresti, 1961, с. 407, рис. 189, 5.

<sup>13</sup> В. Миков. Идолната пластика през ново-каменната епоха. — Известия на Българския археологически институт, т. VIII. София, 1935, с. 203, рис. 134.

<sup>14</sup> В. Миков. Указ. соч., с. 201—205.

<sup>15</sup> V. Dumitrescu. Les figurines anthropomorphes en os du Sud-Est de l'Europe, pendant la période énéolithique. — Revue internationale des études Balkaniques, VI. Belgrade, 1938, с. 375—378.

<sup>16</sup> Н. Петков. Классификация на плоските костни идоли в Балкано-Дунавската област. — ГНАМП. София, 1950, с. 29—32.

<sup>17</sup> Л. С. Клейн. Указ. соч., с. 49.

<sup>18</sup> Т. С. Пассек. Указ. отчет, с. 15.

<sup>19</sup> Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Указ. соч., с. 38—42.

статуэтки с терракотой, найденной на Холме Жрецов около Лариссы в Греции, и с некоторыми пластическими изображениями из Ленковцев и Луки-Врублевцев<sup>22</sup>. Однако последние аналогии выбраны неудачно. Приводимые для сопоставления статуэтки из Ленковцев<sup>23</sup> имели расчлененные ноги с рельефно моделированными коленями, подчеркивающими некоторый изгиб ног. На сидалищной части одной из них сохранились следы прикрепления к скамеечке (подставке). И все же в целом моделировка туловища выполнена в традиционном для раннетрипольских статуэток стиле: резкое отклонение туловища назад, небольшие выступы вместо рук и т. д. Позы так называемого «мыслителя» в них не чувствуется.

Аналогичное наблюдается и с избранными для сопоставления статуэтками из Луки-Врублевцев<sup>24</sup>. Единственно похожими чертами у них являются расчлененные ноги и рельефно выделенный признак мужского пола. Естественно, что для выбора их в качестве аналогии вулканештской статуэтке этого недостаточно. Ближе к ней другая фигурка из Луки-Врублевцев<sup>25</sup>. На сохранившемся фрагменте виден и наклон туловища вперед, и более резкий изгиб ног, на которых в области колен сохранился налп, возможно, остаток опиравшейся руки. Близка к вулканештской и раннетрипольская фигурка из поселения Новые Русешты I<sup>26</sup>. Сохранившаяся нижняя часть ее очень похожа на отмеченную из Луки-Врублевцев. Судя по графической реконструкции В. И. Маркевича<sup>27</sup>, поза этой статуэтки аналогична позе скульптурки из Чернаводы<sup>28</sup>.

Наиболее близким прототипом фигурки из Вулканешт является раннегумельницкая статуэтка из Видры (район Джурджуи, Румыния). Положение ее туловища, рук и ног совершенно аналогично. Из отличающихся признаков можно отметить лишь иную моделировку головы, а также то, что щеку подпирает кисть левой руки, а не правой (рис. 2, 10)<sup>29</sup>.

За исключением одной статуэтки из Вулканешт<sup>30</sup>, вся глиняная пластика, относящаяся ко второй группе (натуралистически-схематизированная), найдена во фрагментах. Но, несмотря на это, основной тип бытовавших на исследуемой территории статуэток не вызывает сомнений: все они выполнены в стоящей позе<sup>31</sup>. Две из них (рис. 2, 3 и 3, 7), судя по моделировке бедер и сидалищной части, отсутствию груди, можно отнести к мужским. Все остальные статуэтки, очевидно,

<sup>22</sup> Т. С. Пассек, М. М. Герасимов. Указ. соч., с. 41, 42.

<sup>23</sup> К. К. Черниш. Раннетрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. К., 1959, с. 81, табл. XIII, 25, 29.

<sup>24</sup> С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевка на Днестре. — МИА, № 38. М., 1953, с. 53, рис. 27; с. 367, табл. 75, а, б.

<sup>25</sup> С. Н. Бибииков. Указ. соч., с. 376, табл. 84, в (изображение перевернуто).

<sup>26</sup> А. П. Кусургашева. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты I. — КСИА, вып. 123. М., 1970, с. 72, 73, рис. 17, 1.

<sup>27</sup> В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I. — КСИА, вып. 123. М., 1970, с. 64, рис. 15.

<sup>28</sup> Сидящие фигурки натуралистического типа встречаются и в культуре Караново VI (Коджа-Дермен, Султан (Невски), Папазлий). Однако положение рук у них совершенно иное: они либо лежат на коленях со сцепленными пальцами, либо в виде конических отростков направлены в стороны (см. В. Миков. Указ. соч., с. 189, рис. 124).

<sup>29</sup> M. Zgibea. Figurinele Gumelnitene de pe teritoriul Orasului si regiunii Vaslui. — Cercetari arheologice in Bucuresti. Bucuresti, 1963, с. 280, рис. VIII, 2.

<sup>30</sup> В. С. Бейлекчи. Раскопки..., с. 42, рис. 3, 1.

<sup>31</sup> Е. В. Бесфамильная часть из них относилась к сидящим (см. Е. В. Бесфамильная. Указ. соч., с. 8).

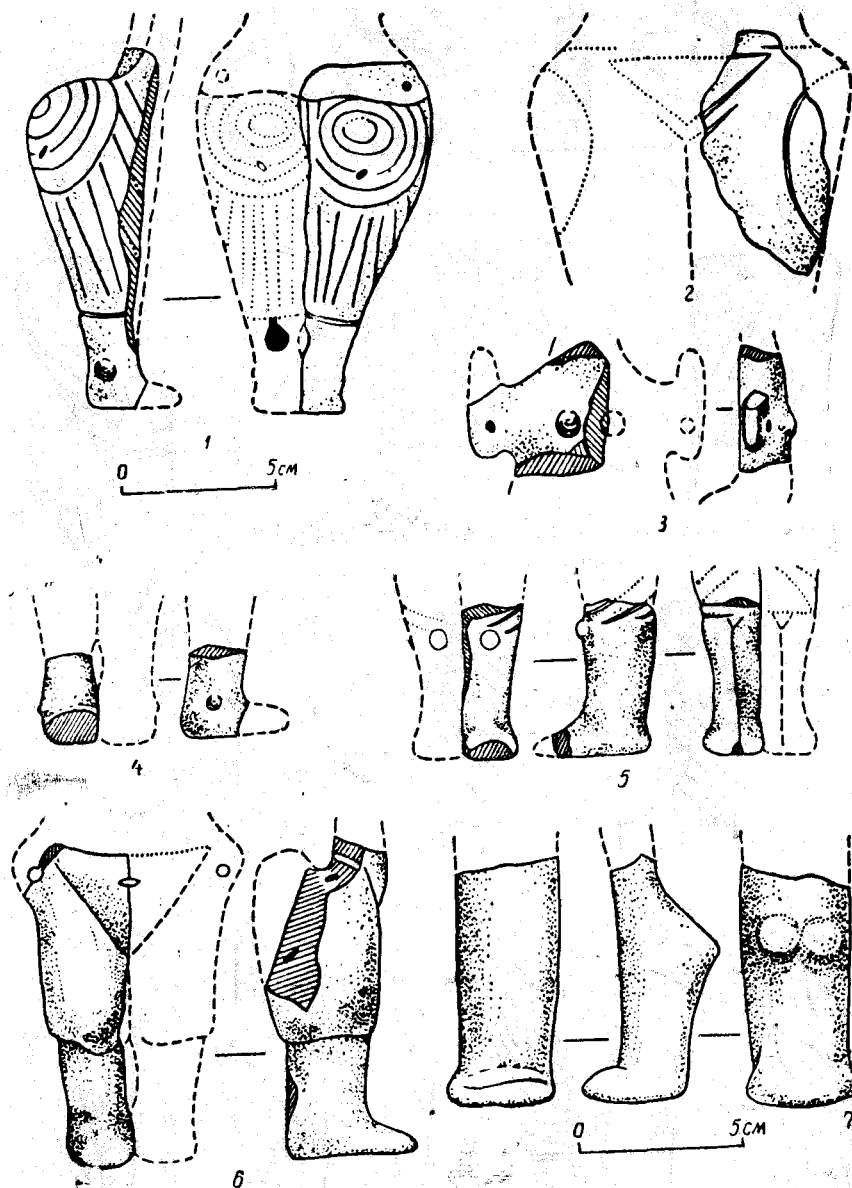


Рис. 3. Глиняные статуэтки из поселений Александровка (1) и Болград (2—7).

изображали женщин, о чем свидетельствует наличие груди, резко выраженная стеатопигия и очерчивание *montem Veneris*.

Голова рассматриваемых фигурок, судя по хорошо сохранившейся верхней части отмеченной выше статуэтки из Вулканешт и экземпляров из Нагорного (рис. 2, 3) и Лопатики<sup>32</sup>, трактовалась условно в виде конического отростка, причем у нагорненской и вулканештской статуэток сделана попытка выделить лицо выпуклостью. На конусообразность моделировки головы указывает также и направление со-

<sup>32</sup> Э. А. Рикман. Указ. соч., с. 87, рис. 2.

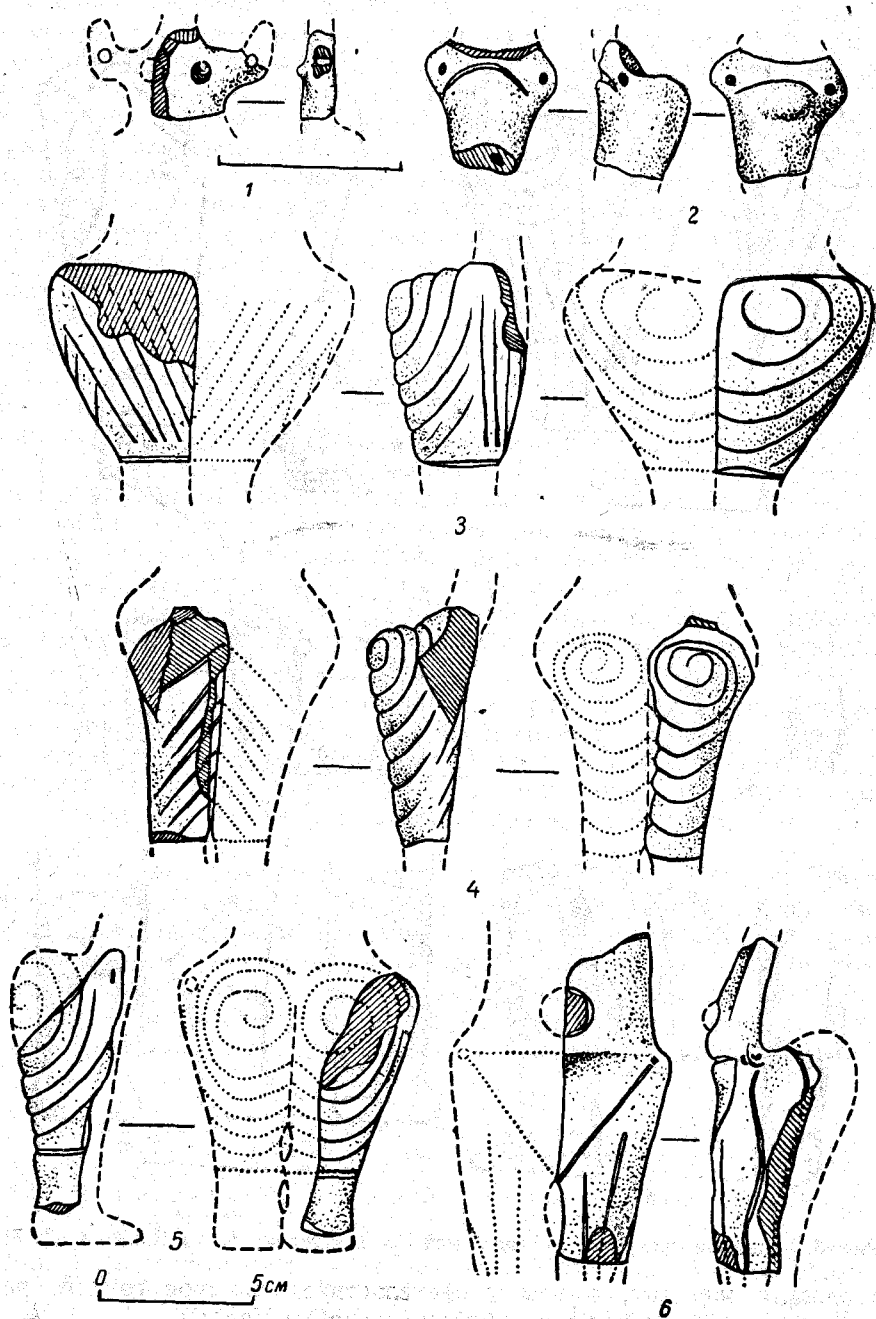


Рис. 4. Глиняные статуэтки из поселения Болград.

хранившейся шейной части у двух фигурок из Вулканешт (рис. 2, 7)<sup>33</sup>, одной из Нагорного (рис. 2, 1), одной из Кокоры<sup>34</sup> и двух из Болграда (рис. 3, 3 и 4, 1).

<sup>33</sup> В. С. Бейлекчи. Результаты раскопок..., с. 35, рис. 5, 6.

<sup>34</sup> В. С. Бейлекчи. Исследования..., с. 54, рис. 2, 1.

Остальная часть фигуры обычно выполнена близко к натуре. Статуэтки передавали стоящее положение с поднятыми сверху руками (поза «Оранты»). Это особенно хорошо видно по тем же фигуркам из Болграда, Нагорного и Лопацики. Изгиб в локте, как правило, делался почти строго под прямым углом, а у одной болгарской статуэтки локоть несколько оттянут вниз (рис. 3, 3). Подобная моделировка локтя встречается в пластике поселений Алдень и Брэилица, относящихся к гумельницкому варианту Алдень II<sup>35</sup>.

Верхняя часть туловища статуэток делалась уплощенной и несколько наклоненной вперед. Суженный посередине либо ближе к груди торс обычно довольно резко переходит внизу в широкие бедра. Для пластики всех рассматриваемых поселений характерны выделение колен и живота налепами, сквозные отверстия по бокам надбедренной части и в локтевых изгибах, округлые выемки на бедрах либо поянице.

Нижняя часть туловища по сравнению с верхней резко отличается своей объемностью. Ноги в большинстве случаев вылеплены раздельно, но соединены вплотную одна с другой с небольшими просветами (иногда в области колен) и оканчиваются хорошо моделированными ступнями. Исключением являются две статуэтки из Болграда, у которых ноги моделированы слитно без признаков разделения и имеют общую ступню (рис. 3, 7 и 4, 2), и две отдельные ножки, выполненные в форме цилиндрических столбиков (рис. 5, 2, 5). Поверхность каждой из них не имеет следов соединения с другой, что не характерно для рассматриваемой пластики<sup>36</sup>. Поэтому возможно, что они могли и не быть элементами антропоморфной скульптуры, а сделаны для иных целей (были ножками столиков, моделек жилищ?). Судя по сохранившимся фрагментам, величина антропоморфных фигурок колебалась от 6—7 до 20—22 см.

По декору поверхности рассматриваемые статуэтки можно разделить на два основных типа: А — орнаментированные, Б — неорнаментированные. Как и для всех орнаментированных терракот Триполья А и Гумельницы, для фигурок типа А характерен исключительно углубленный (врезанный) узор, наносившийся с помощью деревянной стеки. Орнаментировалась обычно нижняя половина фигуры, иногда прочерчивался орнамент в виде пояса на торсе (рис. 1, 9 и 2, 1, 2). Основные мотивы орнаментации — спирали и концентрические круги на ягодицах, косые или вертикальные линии на ногах, лонные треугольники.

Декор статуэток довольно однообразен, однако по наиболее характерным орнаментальным мотивам можно выделить ряд подтипов:

- a) со сходящимися спиралями (рис. 1, 5; 4, 4, 5 и 5, 3);
- b) с расходящимися спиралями (рис. 1, 9 и 2, 4);
- c) с концентрическими кругами (рис. 5, 1, 4);
- d) с индивидуальными чертами орнамента.

К последнему подтипу относятся две терракоты — из Лопацики<sup>37</sup> и из Озерного. Первая, хотя и близка элементами декора к подтипам

<sup>35</sup> E. Comsa. Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II. — SCIV, t. XIV, № 1, Busuresti, 1963, с. 20.

<sup>36</sup> Е. В. Бесфамильная, не располагавшая достаточным количеством материала, ошибочно считала такую форму ног (в виде отдельных столбиков) основным видом их изображения у гумельницкой глиняной скульптуры левобережного понизовья Дуная (см. Е. В. Бесфамильная. Указ. соч., с. 8).

<sup>37</sup> Э. А. Рикман. Указ. соч., с. 87, рис. 2.

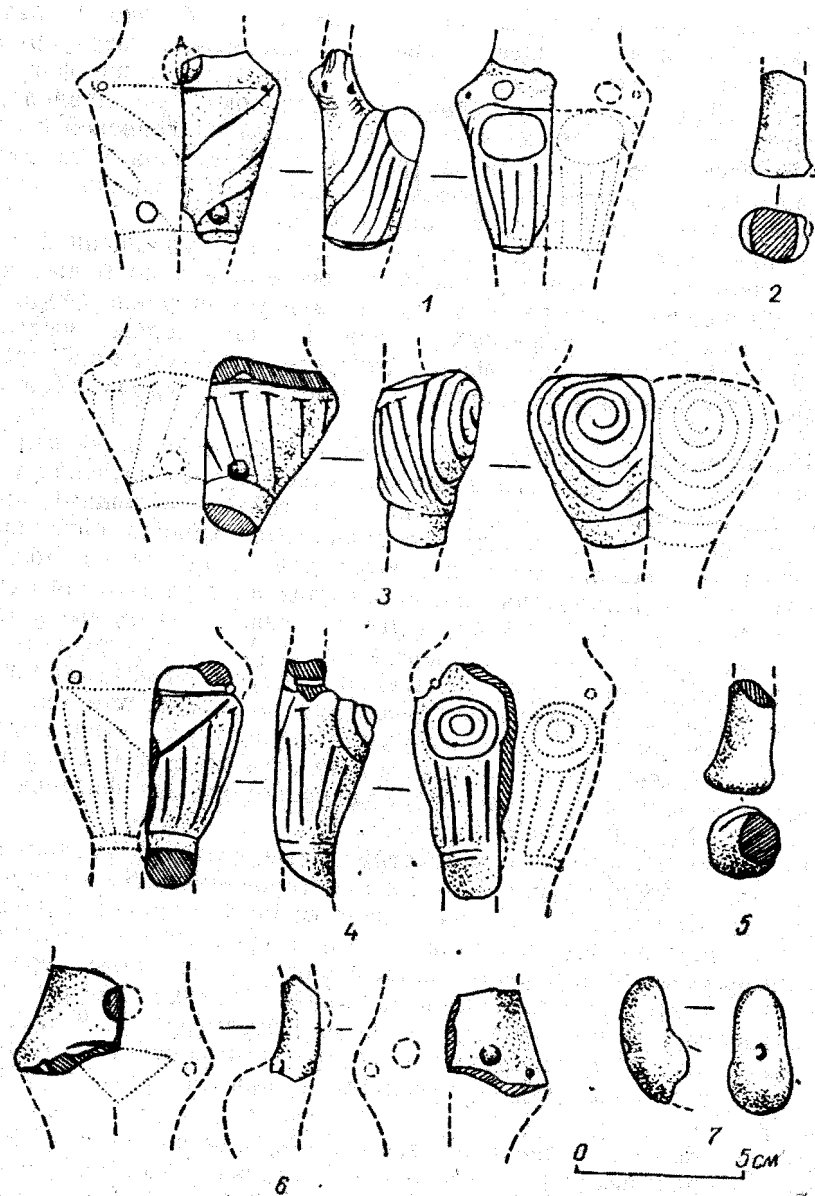


Рис. 5. Глиняная пластика из поселения Болград.

*a* и *b*, отличается лонным орнаментом в виде ромба и направлением обеих спиралей на ягодицах, одинаково завитых против часовой стрелки, как на одной из статуэток поселения алденского типа Сучевень (Румыния)<sup>38</sup>.

Озерненская статуэтка (рис. 1, 1) по орнаментации совершенно не характерна для остальной пластики. Поверхность ее сплошь орна-

<sup>38</sup> I. Dragomir. Aspectul Stoicani-Aldeni în lumina sapturilor de la Liscoteanca, Baneasa si Suceveni. — Memoria Antiquitatis, II. Piatra Neamt, 1970, с. 25—38, рис. 10 1.

ментирована. Ведущим мотивом декора являются ленты из параллельных врезных линий, расходящихся спереди от грудей, а сзади — от шеи к надбедренным выступам и образующие внизу треугольник. Внутри лент заключены короткие прямые и дугообразные отрезки, часто заканчивающиеся небольшими углублениями в виде проколов, что напоминает орнамент культуры линейно-ленточной керамики. Треугольники заштрихованы сходящимися вниз под углом (идущими параллельно сторонам) линиями. Спереди декор несколько богаче, чем сзади: шея подчеркнута дугой и прямыми линиями, образующими треугольник вершиной вниз, к грудям; на надбедренной части орнамент напоминает пояс, заполненный отрезками прямых линий и резко изогнутыми дугами, которые, как и в лентах, оканчиваются точечными углублениями.

Близкую аналогию орнаментации данной статуэтки находим на пластике раннетрипольских поселений Березовская ГЭС<sup>39</sup> и Лука-Врублевская<sup>40</sup>, а также на статуэтках из Видры (Румыния) — поселения фазы Петру Рареш<sup>41</sup>, орнамент которых особенно близок к рассматриваемому.

Орнамент пластики подтипа *b*, особенно одной вулканештской фигурки (рис. 2, 4), находит аналогии в узорах, украшавших статуэтки фазы Дрэгэнешть-Текуч варианта Алдень II<sup>42</sup>.

Близким аналогом одной болгарской фигурке подтипа *c* (рис. 5, 4) как по моделировке, так и по орнаментации может служить статуэтка из раннетрипольского поселения Александровка (рис. 3, 1). Существенной деталью, отличающей последнюю, является расположенный на одном из кругов отпечаток зерна. По мнению исследователей, эта статуэтка, совершенно не характерная для многочисленной александровской пластики, для данного поселения была импортной с ближайших гумельницких памятников<sup>43</sup>.

Сопоставление орнаментированной пластики различных гумельницких поселений левобережного понизовья Дуная показывает, что существенной разницы в ее трактовке не наблюдается. Однако в специфике украшений статуэток различных памятников заметны отличительные черты, подтверждающие отмеченную Т. С. Пассек и Е. К. Черныш относительную хронологию поселений, выраженную в последовательности Озерное — Болград — Вулканешты<sup>44</sup>. Так, пластика Озерного I более ранняя, так как, судя по статуэтке подтипа *d* (рис. 1, 1), она сохраняет черты, характерные для фазы Петру Рареш (если учесть роговую фигурку-амулет, то и для культуры Боян) и не наблюдающиеся в скульптуре остальных памятников. Кроме того, глиняные статуэтки Озерного отличаются внешней окраской. Поверхность их исключительно теплых тонов (оранжевого, светло-коричневого и жел-

<sup>39</sup> В. П. Цыбесков. Некоторые итоги исследования Березовского поселения. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971, с. 191, рис. 5, колонка 30.

<sup>40</sup> С. Н. Бибииков. Указ. соч., с. 212, 384, табл. 92, *a—b*.

<sup>41</sup> Е. Кошма. К вопросу о переходной фазе от культуры Боян к культуре Гумельница. — Dacia, V. Bucuresti, 1961, с. 54, 55, вкл. IV, 4.

<sup>42</sup> Е. Сомса. Указ. соч., с. 20, рис. 5.

<sup>43</sup> А. П. Погожева. Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А). Автореф. канд. дис., М., 1971, с. 20; Е. К. Черныш. Une ancienne variante de la civilisation de Gumelnita sur le territoire de l'URSS. — VIII Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archeologues de l'URSS. М., 1971, с. 2.

<sup>44</sup> Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Указ. соч., с. 16.

товато-серого), тогда как на других поселениях преобладают фигурки серого цвета. Дальнейшая последовательность сближения поселений наглядно видна при сопоставлении их пластики по наиболее характерным орнаментальным мотивам и декоративному поясу (табл. 1).

Таблица 1

Поселения	Подтип а	Подтип б	Подтип с	Пояс
Озерное I	+	—	—	—
Болград	+	+	—	—
Ново-Некрасовка I	—	+	—	+
Лопаница	—	+	—	+
Вулканешты II	—	+	+	+
Кокора I	—	+	+	+
Нагорное II	—	—	—	+

Неорнаментированные статуэтки в отличие от однотипной по моделировке орнаментированной пластики совершенно различны. Так, целая статуэтка из Вулканешт выполнена не статично, как остальные, а как бы начинающей движение правой ногой вперед<sup>45</sup>. У одной фигурки из Нагорного (рис. 2, б), кроме необычного выделения лонного места четырьмя углубленными линиями, образующими перевернутую трапецию, необычно вылеплены и ноги: босые, с хорошо моделированными пятками и пальцами. Другая статуэтка того же поселения отличается очень суженными бедрами и сделанным ниже колен круглым отверстием (рис. 2, 5). Две разные по исполнению терракоты из Болграда (рис. 3, 7 и 4, 2) выделяются из всей пластики слитной трактовкой ног с общей ступней, как у древнеегипетских ушебти; еще одна болгарская фигурка интересна с этнографической точки зрения: древним мастером четко переданы мягкие сапоги и заправленные в них шаровары (рис. 3, б).

Все рассматриваемые статуэтки являются прекрасными памятниками изобразительного искусства. Выполненные в относительно натуралистической манере, некоторые из них дают возможность представить элементы женской одежды и украшений древних земледельцев Нижнего Подунавья: шейные украшения в виде ожерелья, переданного линиями (рис. 1, 1), расширенный узорами пояс (рис. 1, 9 и 2, 1, 2), шаровары (рис. 3, б) и, очевидно, сшитые из кожи мягкие сапоги (рис. 1, 4, 9 и 3, 4, 5, б). По-видимому, декор нижней половины фигурок (от пояса до подчеркнутого верхнего края сапог) является воспроизведением узора, которым расширились шаровары. Однако это предположение не отрицает значения орнамента как средства отражения мировоззрения земледельческих племен энеолита.

Семантика орнаментальной символики, как и сам факт изготовления женских антропоморфных статуэток в массовом количестве, объясняется в основном отражением идеи плодородия. Это мнение, впервые высказанное в начале XX в. А. А. Скриленко<sup>46</sup>, в настоящее время поддерживается большинством исследователей энеолитической

<sup>45</sup> В. С. Бейлекчи. Раскопки..., с. 42, рис. 3, 1.

<sup>46</sup> А. А. Скриленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье. — Труды XII АС, т. I. М., 1905, с. 145—151.

пластики<sup>47</sup>. Так, С. Н. Бибииков и Т. Г. Мовша отмечали, что женские фигурки различны по назначению, несли разную смысловую нагрузку<sup>48</sup>. Однако гумельницкая пластика рассматриваемой территории, очевидно, связана в основном с земледельческой магией. Это подтверждает прежде всего наличие в керамическом тесте зерен. Господствующее положение в этой пластике занимает образ Великой богини-матери, богини плодородия (прежде всего растительного), о чем свидетельствует сконцентрированность почти на каждой статуэтке соответствующих признаков. О Молодой «роженице», о начальном стадии беременности как о символе зарождения новой жизни свидетельствуют (по аналогии с трипольской пластикой) стройность фигуры, маленькие груди, выпуклый либо выделенный бугорком-налепом живот<sup>49</sup>.

Спиралевидные узоры на ягодицах рассматриваемых терракот, характерные для всех раннеземледельческих культур энеолита Юго-Восточной Европы, по мнению Б. А. Рыбакова, передают образ змей (ужей), охраняющих плод чрева молодой матери<sup>50</sup>. На ритуальный характер пластики указывает и покрытие поверхности некоторых статуэток красной охрой (рис. 1, 5; 2, 3, 4 и 5, 3).

По вопросу о назначении отверстий в локтевых изгибах рук и надбедренных выступах статуэток имеются противоречивые точки зрения. Так, С. Н. Бибииков считает отверстия на руках схематическими проемами между изгибами сложенных на груди рук и торсом<sup>51</sup>; М. П. Грязнов утверждает, что отверстия-дырочки предназначались для крепления одежды на статуэтках<sup>52</sup>. Большинство исследователей сходятся на том, что отверстия использовались для подвешивания, привязывания фигурок с различными целями. Например, Б. А. Рыбаков допускает, что отверстия служили «своеобразными магическими замками, оберегами при обвязывании сосуда с зерном (семенным запасом)»<sup>53</sup>; М. Т. Гембарович считает, что надбедренные проколы сделаны для крепления фигурок к качелям<sup>54</sup>. По нашему мнению, наличие отверстий на руках и бедрах у пластики различных племенных групп энеолита свидетельствует об определенной традиции, обусловленной практической необходимостью. Сквозные отверстия предназначались, очевидно, для подвешивания фигурок на стену жилища, а в некоторых

<sup>47</sup> Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. — МИА, № 10. М., 1949, с. 94; С. Н. Бибииков. Культурные женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. — СА, 1951, т. XV, с. 130, 131; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА, 1966, № 1, с. 28, 29.

<sup>48</sup> С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение..., с. 247—275; Т. Г. Мовша. Об антропоморфной пластике трипольской культуры. — СА, 1969, № 2, с. 31—33.

<sup>49</sup> Исключение составляют роговая статуэтка-амулет из Озерного и скульптура вулканештского «мыслителя», занимающая особое место в гумельницкой пластике не только благодаря чрезвычайно редкой для того времени реалистической трактовке фигуры человека — она является творческим произведением, которое древний ваятель, очевидно, не предназначал для культовых целей.

<sup>50</sup> Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология..., с. 29, 35, 36; его же. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетий до н. э.). — VII Международный конгресс доисториков и протоясториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, с. 112, 120.

<sup>51</sup> С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение..., с. 235.

<sup>52</sup> М. П. Грязнов. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры. — АСГЭ, вып. 6. Л., 1964, с. 72—78.

<sup>53</sup> Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология..., с. 29.

<sup>54</sup> М. Т. Гембарович. К вопросу о значении трипольских женских статуэток. — СА, 1956, т. XXV, с. 106—123.

случаях для ношения их в качестве амулетов. Ведь за исключением единичных антропоморфных изображений карановская, гумельницкая и особенно трипольская пластика неустойчива. Поэтому и были высказаны предположения о креплении ее при использовании в ритуальных целях: размещение в специальных гнездах<sup>55</sup>, установка в сквозных «сосудах», втыкание в землю<sup>56</sup>. Все эти варианты допустимы прежде всего для не имеющих отверстий стоящих статуэток, так как иначе они не могли удерживаться в вертикальном положении.

О слишком примитивной трактовке головы и рук высказываются также различные мнения. Так, М. П. Грязнов считает, что конусообразное изображение головы у трипольских статуэток — не что иное, как штифт, на котором позднее крепилась голова, сделанная из кожи или ткани<sup>57</sup>; из такого же материала делались и руки, крепившиеся пришиванием через отверстия. Б. А. Рыбаков предполагает, что статуэтки служили своеобразными подставками: «Их могли втыкать по три-четыре фигурки «ногами» в землю, а на головы-штыри накалывать что-либо мягкое, например хлеб»<sup>58</sup>.

Однако вряд ли есть необходимость в поиске искусственных дополнений и нагрузок к традиционной трактовке рук и головы у неолитических статуэток. Учитывая их культовое назначение, при котором магия плодородия полей сливается с магией человеческого плодородия, древним ваятелям необходимо было выделять на первый план именно признаки пола и другие связанные с ним элементы. Смысловое содержание статуэток-богинь, изготовлявшихся для ритуальных целей, выражалось в подчеркивании груди, лона, признаков беременности, преувеличенном изображении тазобедренной части. Очевидно, именно поэтому трактовке головы и рук придавалось второстепенное значение и они умышленно лепились схематично. Более натуралистическое изображение рук у статуэток культуры Гумельница, по-видимому, также связано с земледельческой магией: поднятые вверх руки выражают один из видов обряда заклинания воды — призывание дождя, способствующего урожаю.

Сравнение антропоморфной пластики гумельницких поселений Юго-Запада СССР с трипольской, карановской и гумельницкой территории Румынии показывает, что, пожалуй, единственным признаком, в равной мере присущим для их глиняной скульптуры, является трактовка груди очень маленькими налечами, а также трактовка статуэток в стоящей позе, наличие сквозных отверстий в руках, на надбедренных выступах, орнамента, украшавшего ягодицы в виде спиралей или концентрических кругов, рельефная моделировка ног и выделение женского полового органа треугольником или ромбом.

Характерными признаками пластики памятников Болградской группы и раннетрипольской скульптуры являются трактовка головы в виде конического отростка (у трипольских статуэток он обычно более удлиненный), выделение неглубоким желобком позвоночника, наличие зерен в керамическом тесте и отсутствие характерной для памятников гумельницкого типа Румынии и Болгарии моделировки рук в виде направленных в стороны отростков с расширением на концах.

<sup>55</sup> Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений..., с. 95.

<sup>56</sup> С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение..., с. 216.

<sup>57</sup> М. П. Грязнов. Указ. соч., с. 74.

<sup>58</sup> Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология..., с. 29.

В основном гумельницкие статуэтки Юго-Запада СССР наиболее близки пластике синхронных поселений Северо-Востока Румынии, о чем свидетельствуют трактовка рук в позе «Оранты» с изгибом в локтях, частое использование при моделировке статуэток налепов-бугорков на животе и коленях, большое сходство в орнаментации, отсутствие обобщенной трактовки ног в виде сужающегося к основанию отростка (как в раннетрипольской пластике). Тем не менее отдельные черты антропоморфной пластики левобережного понизовья Дуная сугубо индивидуальны. Опубликованные данные по памятникам Алдень, Дрэгэнешть-Текуч, Стойкань, Брзилица, Бэлэнешть и Сучевень<sup>59</sup> позволяют четко выделить существенные признаки, отличающие гумельницкую антропоморфную пластику Юго-Запада СССР от аналогичных статуэток варианта Алдень II (табл. 2).

Таблица 2

Отличительные признаки	Юго-Запад СССР	Северо-Восток Румынии
Сидячая поза статуэток	—	+
Условная моделировка головы в виде конического отростка	+	—
Фигурная моделировка головы с признаками натурализма	—	+
Передача волос врезными линиями	—	+
Руки вытянуты в стороны в виде отростков с расширением на концах	—	+
Руки сложены на груди	—	+
Отверстия на концах рук	—	+
Декоративный пояс ниже груди	+	—
Выделение желобком позвоночника	+	—
Округлые ямочки на пояснице или бедрах	+	—
Ноги разомкнуты	—	+
Моделировка нижней части ног в виде цилиндрических столбиков	—	+

Поскольку на рассматриваемых памятниках отсутствуют сидящие статуэтки, здесь нет и креслиц-подставок для них, часто встречаемых как на сравниваемых раннегумельницких поселениях, так и в раннем Триполье. В керамическом тексте гумельницкой пластики Румынии нет зерен культурных злаков.

Следовательно, ряд признаков моделировки и орнаментирования терракот свидетельствует о генетической общности раннеземледельческих племен Балкано-Дунайского круга. Вместе с тем местные ваятели, наследуя опыт предшествовавших Гумельнице культур, а также под влиянием Триполья внесли в свои произведения определенное своеобразие, подчеркивающее специфичность рассматриваемых памятников.

Пластика сама по себе не может быть определяющей при выделении археологической культуры или ее локального варианта, однако нельзя не согласиться с Т. Г. Мовшей, что скульптура, будучи одним из неразрывных компонентов всего комплекса археологических мате-

<sup>59</sup> Е. Сомса. Указ. соч., с. 20; I. Dragomir. Указ. соч., рис. 10.



риалов, отражает местные этнографические племенные черты и является показательной для выделения локальных вариантов культуры. С этой точки зрения и рассматриваемые антропоморфные фигурки, выражающие идеологические представления древних земледельцев левобережного понизовья Дуная, являются одним из признаков, указывающим на локальность Болградского варианта в рамках неолитической культуры Гумельница.

К. В. ЗИНЬКОВСКИЙ

### О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ПЛЕМЕН ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Методика полевого изучения остатков жилищ трипольской культуры типа «площадок» всегда была в центре внимания ученых, занимавшихся исследованием Триполья<sup>1</sup>, и, подвергаясь критике, совершенствовалась<sup>2</sup>.

Однако процесс разработки новых методов и внедрения их в археологическую практику сложен и не лишен ошибок. Так, замеченные еще в начале изучения трипольских памятников отпечатки деревянных конструкций построек не фиксировались чертежами, а лишь описывались с указанием общего направления. Только в 1969 г. во время экспедиции, возглавляемой Е. К. Черныш, впервые была предпринята попытка графически изобразить следы деревянных деталей, отпечатавшихся на глиняной обмозке. Следовательно, до этих пор безвозвратно утрачивался богатейший материал о деревянных конструкциях домов, встречаемый при исследованиях трипольских памятников в течение нескольких десятилетий. Неудачным представляется также способ изображения сплошной тушировкой на чертежах обожженных до состояния шлака участков глины, чрезвычайно затруднявший анализ их интерпретации как мест расположения печей и очагов<sup>3</sup>.

Мнение Н. Ф. Беляшевского о том, что животные-землерои могут переносить большое количество находок под залегания обожженной глины<sup>4</sup>, а также недооценка роли разрезов при раскопках «площа-

<sup>1</sup> Здесь и далее термин «площадка» употребляется сугубо условно вслед за Н. Ф. Беляшевским, справедливо считавшим, что он не отражает характера объекта, представляющего остатки глинобитной постройки (Н. Ф. Беляшевский, В. Хвойка. Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры. — АЛЮР, т. III, К., 1904, с. 116).

<sup>2</sup> Ф. Волков. По поводу наших неолитических находок с керамикой домикенского типа у с. Колодистого, Звенигородского уезда Киевской губ. — АЛЮР, т. II, К., 1900; Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого Звенигородского уезда Киевской губ. — АЛЮР, т. II, К., 1900; В. В. Хвойка. Раскопки в 1901 г. в области трипольской культуры. — ЗРАО, т. V, вып. 2. СПб., 1904; Т. С. Пассек. Периодизация трипольской культуры. — МИА, № 10. М.—Л., 1949; С. Н. Бибииков. О ретроспективном восстановлении археологических остатков на местах залеганий. — КСИА, вып. 9, К., 1959, с. 43—46; М. М. Шмаглій, В. П. Дудкін, К. В. Зиньковський. Про комплексне вивчення трипільських поселень. — Археологія, вип. 10, К., 1973, с. 23—31; К. В. Шишкін. З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях. — Археологія, вип. 10, К., 1973.

<sup>3</sup> См. чертежи в кн.: Трипільська культура, т. I, К., 1940; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений... и других публикациях.

<sup>4</sup> Н. Беляшевский. Указ. соч., с. 154—155.

док», которая свела их количество до минимума, стали на долгое время серьезным препятствием для правильного истолкования остатков трипольских построек; его указание на необходимость вскрытия объекта на широкой площади в отличие от раскопки траншеями невольно обрело характер противопоставления методике, ставящей целью получение профилей, а впоследствии привившееся в практике, стало общепринятым методическим положением, позволявшим обходиться стратиграфическими данными об объекте, полученными лишь при зачистке стенок раскопа<sup>5</sup>. Так надолго утвердился единообразный подход к интерпретации «площадок» и метод их исследования<sup>6</sup>. Предположение, что залегания обожженной глины являются остатками полов жилищ, уложенных непосредственно на землю, долго служило основанием для выделения в качестве «раннего горизонта» нижележащих ям<sup>7</sup> и даже легло в основу хронологического разделения памятников трипольской культуры<sup>8</sup>.

До недавнего времени отсутствовали данные о капитальных стенах построек, без которых, исходя только из следов простенков, нельзя судить о планировке домов, как это было сделано Е. Ю. Кричевским и Т. С. Пассек<sup>9</sup>. Очевидно, отсутствие надежного метода выявления строительных остатков и их интерпретации явилось серьезным препятствием для определения планировки жилищ и поселений. Так, большим упущением оказалось изучение трипольских памятников шурфами и траншеями там, где не встречались «площадки».

Анализируя ошибки и произвольные допущения, имевшие место уже на уровне методических установок полевых исследований, следует обратить внимание на две взаимоисключающие гипотезы интерпретации «площадок», в соответствии с которыми одни ученые считали их остатками жилищ, другие — остатками погребальных сооружений<sup>10</sup>. При этом и те и другие основывались на действии огня, которому подвергались строительные и бытовые остатки, объясняя его в одном случае как сопровождение культовых церемоний, в другом — как способ создания полов жилищ, правда, не имеющий аналогий в практике мирового домостроительства и совершенно нецелесообразный<sup>11</sup>, хотя и сыгравший определенную роль в утверждении интерпретации «площадок» как остатков жилых сооружений. Любопытно, что в обоих случаях ученые основывались на одном и том же — на действии огня.

Странно, что никто из исследователей, обращавшихся к проблеме трипольских жилищ, не прибегал к оценке строительных норм, реконструируя их сложные остатки, а тем более не стремился к изучению порядка разрушения построек и специфики этого процесса. Минув этот важнейший этап, а также другие не менее нужные ступени иссле-

<sup>5</sup> Н. Ф. Беляшевский, В. Хвойка. Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры...; Академик М. Беляшевский. — ТКУ, т. I, К., 1926, с. 6; Д. А. Авдусин. Полевая археология СССР. М., 1972, с. 180.

<sup>6</sup> Е. Ю. Кричевский. Проблема трипільських площадок та їх інтерпретація. — Трипільська культура, т. I, К., 1940.

<sup>7</sup> Е. К. Черныш. Указ. соч.

<sup>8</sup> С. Н. Бибииков. О хронологическом разделении Триполья А и типа Гумельницы (Алдень II) на Юго-Западе СССР. — VII Международный конгресс доисториков и протосториков. М., 1966.

<sup>9</sup> Е. Ю. Кричевский. Указ. соч.; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений...

<sup>10</sup> К. В. Зиньковський. Проблема трипільських площадок у світлі нових даних. — Археологія, вип. 15, К., 1975.

<sup>11</sup> К. В. Зиньковський. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ. — СА, 1973, № 1.